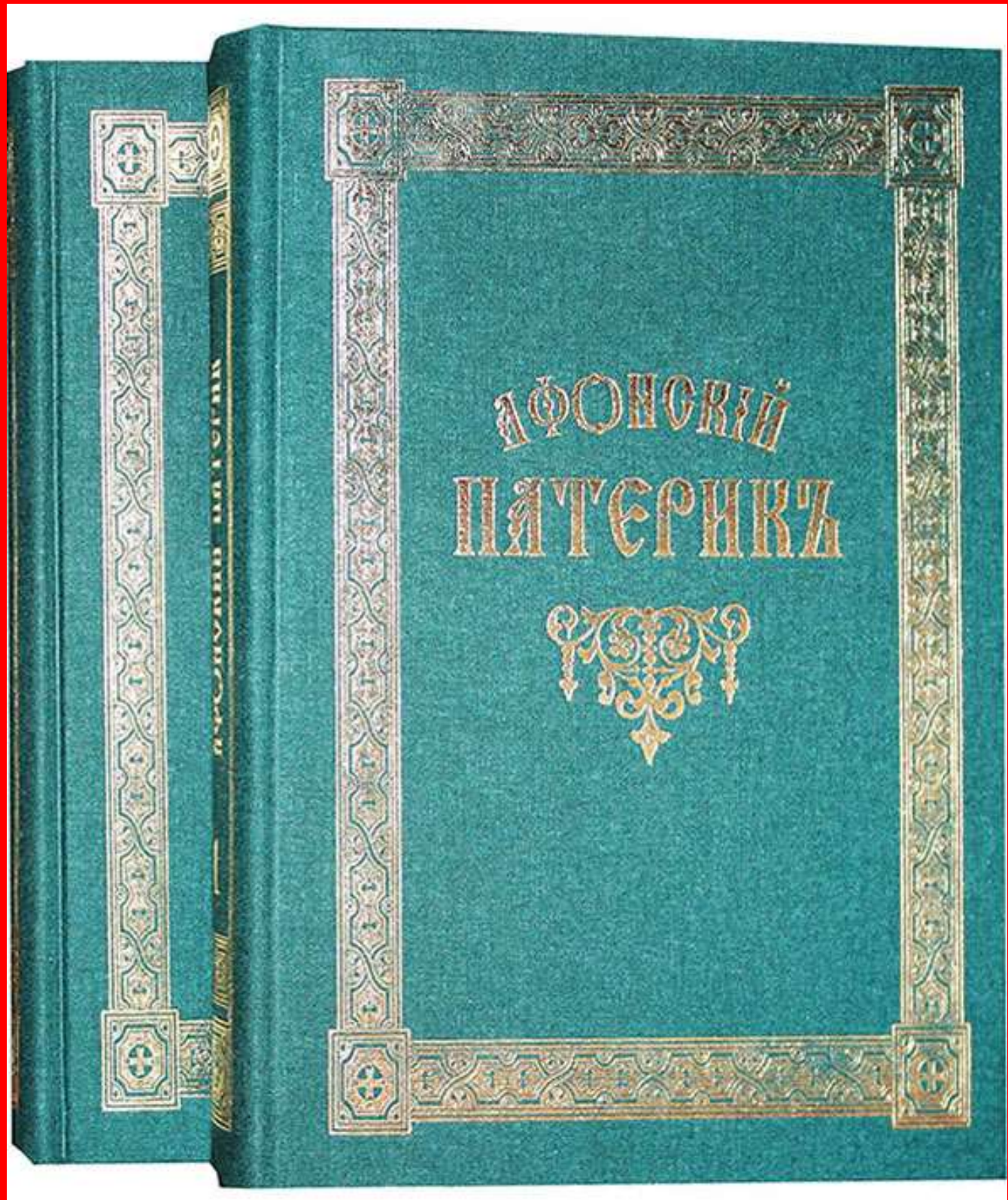

TEZAUUR LITURGIC

PATERICUL ATHONIT II

SF.PANTELIMON-ATHOS,2002

28 ДЕКАБРЯ

Житие преподобного и богоносного отца нашего Симона Мироточивого³³⁸

Святость и особенное достоинство аскетической жизни своей преподобный Симон проявил дивными подвигами и чудесами, которые совершил как при жизни, так и по смерти, а особенно течением мира, подобно великомученику Димитрию Солунскому. Но откуда был он родом, кто были его родители, как воспитан и, наконец, где положил начатки иноческих своих подвигов, об этом нет ни исторических сведений, ни даже местного предания. Что же касается до прекрасной его жизни на святой Афонской Горе, это покажет следующее повествование. Помня старческое изречение, что без послушания спастись невозможно, преподобный Симон прежде всего постарался, чтобы он был ему не только верным водителем ко спасению и светлым образцом совершенного подвижничества, но и строгим судьей в отношении к его немощам. Вследствие сего, подобно оленю, жаждущему животворных струй источника, он проходил по всем монастырям и скитам Святой Горы в чаянии найти себе желаемого руководителя. При

каждой встрече с иноками испытанной жизни пришлец входил с ними в подробные расспросы и суждения о добродетелях иноческих; и наконец, во множестве их, нашел искомого старца, совершенного во всех отношениях подвижничества. Единственным правилом всех своих действий, по тонком раскрытии пред старцем всех обстоятельств минувшей своей жизни, поставил он безусловную покорность всему, что бы ни повелевал ему старец, положил исполнять в точности и без всякого размышления каждое из отеческих его слов – так, как бы слова эти исходили не из уст старца, а от Самого Бога. Такая покорность ученика радовала учителя. Впрочем, чтоб не подать ему случая к тщеславным помыслам и с тем вместе усовершенить его в опытах крестной жизни и безусловного послушания, старец вместо хвалы и снисхождения не только постоянно бранил его, но даже нередко и бил. А блаженный принимал это с великой радостью и благодарением. Следствием сего, при содействии благодати, было с его стороны то, что когда старец вместо побоев и унижения начинал оказывать ему внимательность, он скорбел и считал это важным ущербом в деле спасения. Таким образом, между ними воцарилась такая взаимность сердечной любви, которая

составляет счастье и радость как родителей, так и детей, и которой к сожалению иногда не пользуются ни те, ни другие. Сладкие плоды подобной любви преподобный очевидно проявлял с своей стороны в неподражаемом благоговении и привязанности к своему старцу. Эта привязанность простиралась до того, что он, когда старец спал, лобызал ноги его и даже то место, где тот имел обыкновение отдыхать после трудов своих или молитвенно беседовать с Богом. Что все это делал он по чистым побуждениям сердца, объяснялось его же словами: он говорил другим, что сколько, с одной стороны, должны мы любить Бога, приведшего нас из небытия в бытие, столько же, с другой, и старца, ибо и этот последний, при помощи Божией, преобразует в нас внутреннего человека, некоторым образом восстанавливает и обновляет образ Божий, падший и сокрушенный нашим небрежением и тяжкими грехами. Так глубоко проникнут был преподобный чувством важности и необходимости безусловного повиновения старческой, а не собственной воле. Этим образом мыслей о добродетельной жизни преподобный Симон скоро прославился по всей Горе, так что равные с ним по возрасту благоговели пред ним, а старшие любили его, потому что те и другие в юном его возрасте

видели разум старческий, в подвигах – неподражаемое терпение, в разуме – совершенство, в слове – назидание, строгую рассудительность и, наконец, искреннюю ко всем любовь, составляющую венец всех добродетелей. Одним словом, святой Симон сделался на Святой Горе украшением своего времени и светлым образцом испытанного послушания, которое полагается в незыблемое основание смирения и прочих подвигов иночества. Наконец, и старец, убедившись постоянными опытами в истинно безусловном послушании Симона, совершенно изменился в обхождении с ним, так что, при отеческой внимательности к нему, он располагал им, как послушником, а обходился с ним, как с братом, и даже в некоторых случаях просил его советов и рассуждения. Какие же были следствия такой перемены для смиренного Симона в старческом обхождении? Вместо того, чтоб радоваться внимательности старца, он чрезвычайно огорчился и положил оставить его, под тем предлогом, что ищет себе совершенного безмолвия. Когда передал он это своему старцу и, заливаясь слезами, начал просить его благословения, – тот, хотя и с сердечным прискорбием, однако изъявил старческое свое соизволение. Таким образом, святой Симон

расстался с своим старцем, для которого в последнее время был уже не столько учеником, сколько другом и дивным сподвижником.

Святой Симон долго искал себе по Святой Горе такой сокровенной пустыни, где бы никто не мог ни знать, ни найти его, доколе наконец, при Божией помощи, обрел, по желанию, пустынную скалу и при ней пещеру на южной стороне Святой Горы, где ныне существует монастырь Симонопетр, основанный, как увидим ниже, этим самым преподобным. При вступлении своем в пещеру, зная, что ему предстоит ратовать против невидимых врагов, он при содействии Святого Духа облекся в духовное всеоружие, облобызал крест, молитву, веру, терпение, пост и все, что уничтожает демонские козни и возвышает человека до ангельской чистоты и младенческого безстрастия. Трудно представить крепость и тайные сети ловительства и брани сатаны против святого Симона, который, впрочем, царственно наступил и попрадал его гордыню и низложил все козни. Из множества таких случаев представим следующий. Раз ночью святой молился – вдруг является пред ним демон в виде страшного дракона. Зевнув пастью, он хотел проглотить его, но так как не было на то соизволения свыше, не мог умертвить его, хотя одним ударом

своего хвоста поверг преподобного наземь так сильно, что святой Симон, в совершенном изнеможении чувств, едва мог собраться с духом и воспеть с Пророком: «приблужишася на мя злобующии во еже снести плоти моя» (Пс. 26, 2); «аз же яко глух не слышай, и яко нем не отверзаяй уст своих» (Пс. 37, 14). Между тем, страшный дракон не преставал бить его хвостом своим с намерением если не совсем умертвить, когда бы допустил это Бог, то по крайней мере навести страх и таким образом выгнать его из пустыни. Но вместо страха, несмотря на чувство невыносимой боли, святой Симон обратился к Богу с молитвенным воплем страдальческой души, и зная, что не чувственный дракон напал на него, а под видом его вооружился сатана, противопоставил ему имя Господа Саваофа, и дракон, как дым, исчез в виду его. Следствием сего подвига и непостыдной надежды на помощь Господа было то, что, едва только исчез демон, тихий Божественный свет разлился в пещере, повеял райский аромат и святой Симон, исполненный сердечного веселия и мира, услышал свыше голос:

– Мужайся и крепись, послушный и верный раб Сына Моего!

Таким образом, святой Симон остался по-прежнему в пещере и провел в ней много лет, несмотря на постоянную борьбу с невидимым врагом своего спасения и на чрезвычайные скорби и лишения с внешней стороны.

Между тем, узнав о строгой его жизни и особенном духе ведения и рассудительности, многие из иноков Святой Горы начали ходить к нему, ибо, по слову Божию, «не может укрыться град верху горы стоя» (Мф. 5, 14), – и получали великую пользу для души своей от душеполезных его советов. С тем вместе он удостоился получить от Господа дар прозорливости и предведения. Впрочем, по своему смиренномудрию, не терпя с одной стороны славы, а с другой – избегая докучливости людской, он тяготился своим положением, особенно когда увидел, что посещение братии служило препятствием его безмолвию, и потому хотел было перейти оттуда в место более пустынное. Но Бог, промышляющий и пекущийся о пользе и спасении всех и каждого, воспрепятствовал такому его намерению. А как это было – послушаем:

В одну ночь, упражняясь в молитве, преподобный видит пещеру, как и прежде, осиянной Божественным светом; неизъяснимое

благоухание разливалось вокруг него, и вот послышался ему свыше голос:

– Симон, Симон, верный друг и служитель Сына Моего! Не удайся отсюда, Я положила прославить это место, ты будешь для него светом, и имя твое будет славно.

Сначала Симон не поверил сему видению из предосторожности, не сети ли это лукавого, зная, что, по словам Апостола, сатана преобразуется и в ангела света. Поэтому-то он все-таки не преставал думать, куда бы удалиться ему на безмолвие. Это было пред Рождеством Христовым. И вот в одну ночь, выйдя из пещеры, он видит страшное явление: ему представилось, что с неба опустилась звезда и стала над скалою, где впоследствии создан им честной монастырь. Это видение повторялось несколько ночей сряду, но преподобный Симон все-таки боялся, не есть ли это действие вражеское, а потому и не доверял ему. Когда же наступила ночь на Рождество Христово – он видит снова светлую звезду и слышит Божественный голос:

– Симон! Ты должен здесь основать иноческое общежитие. Оставь твое сомнение, Я Сама буду тебе Помощница, а иначе за твое неверие будешь наказан!

Голос этот слышит он трижды. И в это время (как говорил он впоследствии ученикам своим) ему представилось, что он находится в Вифлееме Иудейском на месте пастырей и слышит сладкие звуки ангельского пения: «слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение: не бойтесь, се бо благовествуется вам радость велия, яже будет всем людем» (Лк. 2, 10. 14). После сего, говорил святой, страх и исступление оставили меня и я веселился духовно, таинственно созерцал события вифлеемские, когда там, в яслях, Владычица Богородица и праведный Иосиф благоговейно предстояли Божественному Младенцу, повитому пеленами. Затем прошло несколько дней от Рождества Христова, и вот приходят к преподобному три мирянина, братья по плоти и люди очень богатые: припав к нему, они исповедались ему во всех грехах своих и потом стали убедительно упрашивать его о принятии их к себе на послушание. Это было следствием того, что слава добродетельной жизни преподобного пронеслась уже по Македонии и Фессалии. Не вдруг склонился на прошение их святой Симон, под предлогом великих трудностей, какие сопряжены с обетами иноческой жизни и безусловного послушания. Однако же они, невзирая на то,

как свыше посланные в сотрудничество преподобному при создании киновии, не преставали умолять его, чтоб он оставил их при себе по крайней мере на несколько дней. «А когда не будешь доволен нами, говорили они, – тогда вышли нас отсюда». Такое усиленное их моление тронуло преподобного: он принял их и, по надлежащем искусе облекши в ангельский образ, на Литургии приобщил их Пречистых Таин³³⁹. Тогда-то уже, как своим детям по духу, он открыл им о Божественном видении, повторявшемся неоднократно над соседственной скалою пещеры его, прося никому не сказывать о том до тех пор, пока он жив. Братия, выслушавши его сказание, с любовью предложили преподобному все свое богатство на устройство киновии и, согласно желанию и благословению его, озаботились немедленным приготовлением всего нужного к этому столь важному и богоугодному делу. Явились мастера, подготовлены материалы и оставалось только назначить место, где положить основной камень возникающей обители. Но когда преподобный Симон указал им, где строить церковь и прочие здания, строители ужаснулись, видя отвесную скалу, которая должна была по его указанию служить основанием обители.

– Шутишь ты, авва, – говорили ему, – или говоришь правду? Посмотри, можно ли приняться за дело, когда эта скала может быть опасна и для строителей, а тем более для тех, которые будут жить здесь. Как хочешь, а мы против тебя.

И дело, таким образом, осталось незавершенным. Между тем, святой Симон, видя, что не может убедить их приступить к постройке, велел приготовить трапезу.

Когда они кушали, один из учеников преподобного, поднося им вино, по зависти демонской запнулся и упал со скалы вниз, в страшную пропасть, держа в одной руке сосуд, а в другой – налитый из него стакан вина. Пораженные таким несчастным случаем, мастера строго заметили преподобному:

– Видишь, авва, начатки убийственных следствий твоего неосновательного предприятия! Сколько бы могло быть подобных случаев смертоубийства, если бы мы решились строить здесь обитель!

Святой ничего не отвечал им, а между тем, втайне молился Владычице Богородице, да не постыдится он в чаянии Ее заступления. И что же? Сколь неизреченны чудеса Твои, Владычице, и кто может восхвалить величие Твое!

Не прошло и получаса, как брат, неосторожно павший в пропасть, выходит из нее с противоположной стороны, заступлением Пресвятой Богородицы не только совершенно здоровый и невредимый, но и с неразбившимся стаканом и сосудом в руках, так что и вина из них не было пролито ни одной капли. Такое чудо привело мастеров в трепет и ужас; они пали к ногам святого и, прося прощения, говорили: «Теперь мы узнали, отче, что ты точно человек Божий», – и по усердному их желанию все они приняты были преподобным в число его учеников и вскоре удостоены ангельского образа. Тогда-то под непосредственным наблюдением и распоряжениями самого преподобного Симона ученики его, бывшие дотоле мастерами, приступили к построению монастыря. Но так как им нужно было прежде всего положить в основание огромной величины камень, то святой указал им для сего на один, находившийся вблизи них, и велел перенести его, а они, забыв чудо преподобного и видя, что не только нельзя им общими силами донести эту тяжесть до назначенного места, но и сдвинуть ее, стояли в недоумении и не знали что делать. Видя это, святой подходит к ним и, напечатлев на том камне знамение животворящего креста, поднимает его на свои плечи без всякой

сторонней помощи и, принеся, полагает его там, где было нужно. Таким образом, он на деле показал истину слов, которые сказал Господь апостолам: «аминь, аминь глаголю вам, **аще** имате веру, яко зерно горушно, и речете горе сей: двигнися и верзися в море, будет тако.

Человек, совершенно иссохший от постнических трудов и подвижнической жизни, поднимает тяжесть, превышающую человеческие силы. Не видно ли из этого, что преподобный в сем случае сделался **очевидным** орудием всемогущей **десницы** Вышнего? Что подтверждается и следующим чудом. Когда монастырь, которому преподобный, появившейся над ним звезде, дал имя Нового Вифлеема, был устроен и братство его умножилось, однажды хищные сарацины показали у монастырской пристани с целью разграбить монастырь. Заметив неприязненные их действия, святой в сопровождении некоторых из своих учеников спустился к пристани и поднес им хлеб и плоды. Сарацины взяли приношение, но, желая расхитить монастырские сокровища, приступили к преподобному и требовали, чтоб он показал им начальника обители. Святой кротко отвечал им, что смиренный настоятель ее – он сам и что

кроме вынесенных к ним даров у них нет ничего. Недовольные таким ответом, разбойники бросились на святого, как дикие звери, с неистовством, а один даже обнажил меч, чтобы убить его, но Бог не допустил совершиться этому: рука дерзкого убийцы внезапно иссохла, а прочие сарацины поражены были слепотою. Вразумленные таким небесным гневом, злодеи в один голос закричали: «Аллах, аллах», – и заливаясь слезами, смиренно начали просить святого об исцелении.

– Умилосердись над нами, авва, – вопияли они, – и исцели нас; мы даем слово быть христианами!

Незлобивый старец, подражатель незлобивого Учителя Христа, тронулся несчастьем врагов своих и, послав одного из учеников за елеем от лампы Спасителя, помолился о них, потом помазал крестообразно глаза сарацинов, а также иссохшую руку товарища их, и все они, потрясенные чудом исцеления, не только, по обещанию, приняли крещение, но остались в этой обители в числе братства. Наконец дивный Симон достиг глубокой старости и, узнав, что приблизились уже время и час отшествия его ко Господу, призвал всех учеников своих и дал им прощальный завет:

– Вот, братия мои и чада возлюбленные о Господе, – говорил он, – я отхожу от вас, но не

скорбите об этом, потому что все мы скоро опять увидимся. Если же я получу дерзновение пред Богом, то буду всегда посещать вас и хранить от всякого искушения видимого и невидимого, впрочем с тем, если и вы сохраните устав общежития, благочиние церковное и все, чему я научил вас и словом, и делом. Вот единственное с моей и с вашей стороны условие! Не любите временного богатства, бегайте тщеславия, не прельщайтесь, не принимайте в киновию детей; вы знаете, что сделал великий Евфимий со святым Саввой в детстве его: хотя и знал он, что святой Савва был освящен от чрева матери, однако ж не принял его в киновию. И в старчестве замечено, что в древнее время опустели четыре лавры – именно оттого, что приняты были туда дети. И богоносный отец наш Афанасий, основатель здешней лавры, заклал учеников своих не принимать детей, хотя бы они были и царской крови. Будьте миролюбивы, страннолюбивы, отправляйте праздники духовно, а не по мирскому, т.е. не занимайтесь в такие дни празднословием, шутками и смехом: праздник есть освящение и просвещение души, которое должно происходить от молчания, молитвы и чтения священных книг; на службе церковной пойте с благоговением, а не с безчинным криком и,

наконец, от души любите игумена. Если это соблюдете по смерти моей, как исполняли при жизни, то духом я всегда буду с вами. В противном случае придется нам судиться на Страшном и всемирном Суде!

Когда святой так поучал, братия и ученики, окружив его, безутешно плакали о разлуке с ним. Наконец, помолившись о них единому Богу в Пресвятой Троице славимому, да соблюдет их и по смерти его, под покровом Богоматери и всех святых, умолк и в следующую за тем ночь предал святую свою душу Богу. Это было 28 декабря 1287 года. На другой день утром лицо почившего праведника просветилось дивным светом в присутствии всего братства. Совершив над ним погребальное пение, они с благоговением и слезами опустили его в могилу.

Преподобный Симон, как светозарная звезда сияя в своей жизни и творя бесчисленные чудеса, не преставал исцелять различные болезни и после своей смерти. От него получила исцеление дочь царя Иоанна Угleshского. Угleshский Иоанн царствовал в 1294 году от Р.Х. в западной части Сербии (в Боснии). У него была беснующаяся дочь. Скорбя о такой ее болезни, он часто молился о ней Богу и некоторым из великих святых, прося их быть ходатаями пред Ним. Но Бог, желая исполнить прошение отца не

тогда, когда он хотел, а после, как бы не внимал его молитвам. Это чрезвычайно трогало и печалило царя. Наконец однажды вдруг слышит он от демона, который мучил дочь его:

– Напрасно ты, царь, трудишься; если не придет с Афонской Горы Симон, я не выйду.

Удивленный этим, царь немедленно отыскал некоторых афонских монахов, расспросил их о святом Симоне и, узнав, что хотя он и давно уже отшел ко Господу, но постоянно творит чудеса, источая из гроба миро, весьма возрадовался этому и тогда же, войдя в домашнюю церковь, припал ко Господу и во имя святого Симона просил у Него милости своей дочери. Когда таким образом царь молился, с верой и благоговением испрашивая у Бога, предстательством Симона, исцеления своей дочери, – демон завопил и, ударив девицу оземь, зарыкал, привел в сотрясение все ее тело и тут же вышел из нее: с той поры она, по благодати Христовой, сохранила свое здоровье в мирном состоянии, во все дни и лета своей жизни, за что премного славил Бога и прославленного Им божественного Симона. А царь, отец ее, видя чудо столь скорого исцеления помощью преподобного, убедился в великом его дерзновении пред Богом и немедленно отнесся в святогорский протат, прося у него дозволения

устроить обитель святого Симона с царским великолепием, в благодарность дивному благодетелю преподобному Симону и в заявление всем, что сотворил он с его дочерью. Прот и все святогорцы приняли предложение Иоанна с любовью и с чувством благодарности. Из сохранившихся же актов и из владеемых обителью метохов в различных местах можно видеть, как ущедрил ее признательный царь Иоанн. Но этим одним чудом не ограничивается благодать преподобного Симона и данные ему от Бога силы. Для пользы читателей предлагаем и следующее прекрасное и душеполезное повествование.

В царствование того же Иоанна Угleshского турки, владея Иконией – главным городом Анатолии – производили во владениях греческих царей великие опустошения. Когда же греки заключили с ними мир, они вторглись в Сербию и, опустошая ее, пошли открытою войною на Иоанна. Иоанн напал на них и при содействии брата своего, краля, разбил их и одержал над ними победу, что, впрочем, имело для него худые следствия, потому что эта победа успокоила его и он предался беспечной жизни. Заметив это, турки внезапно напали на него ночью и поразили войско его смертью и страхом, так что, устремившись в бегство,

многие из рати его утонули в реке Тундже. В числе прочих был убит и царь Иоанн. Вследствие всего турки во все пределы Сербии внесли грабеж, опустошение и смерть. Это зло разлилось тем более, что сын Иоанна, от страха ли или по тайным побуждениям к безмолвной жизни, не принял на себя сана, а удалился в пристанище спасения – на святую Афонскую Гору. Там, никем не знаемый, он посетил монастыри и скиты и пришел наконец в устроенный отцом его монастырь преподобного Симона. Когда, войдя в портик, царственный юноша просил позволения вступить в обитель, привратник по обычаю святогорскому, докладывая о нем игумену, говорил что пришел юноша прекрасный собою, воинственного вида, но сиромаха (бедный по одежде) и, по видимому, истинный раб Христов. «Он, – сказал привратник, – желает беседовать с твоей святостью». Игумен принял его и, согласно его желанию и просьбе, дозволил пожить несколько времени в обители. Таким образом, юноша остался в числе братства. Благодичиние монашеское, безусловное повиновение игумену, усердие к службам церковным, строгое молчание, порядок в церкви и прочее – все это восхищало пришельца, так что он не мог нарадоваться своему положению и о всем

прославлял Бога. На вопрос игумена, нравится ли ему обитель и порядок в ней, юноша отвечал:

– Очень нравится, отче!

– Итак, ты хочешь остаться здесь, как и прочие, в чаянии Царствия Христова?

– Да, если позволишь и если твоими святыми молитвами будешь поддерживать мою немощь.

– Чем же ты можешь заниматься здесь?

– Единственное мое занятие, – отвечал юноша, – уход за садом.

– Итак, благословен Бог, – сказал игумен, – ты остаешься до конца жизни своей копать землю, сажать, поливать и трудиться зимою и летом в саду, для трапезы братней, из любви к Богу!

– Обещаюсь! – произнес царевич и вслед за тем принял в свое распоряжение сад.

Там в течение трехлетнего своего искуса, по словам Давида, «полагая восхождения в сердце своем,» он преуспевал в подвигах послушнической жизни и трудился для братии, а по истечении этого времени принял на себя иноческий образ. Тихо и в безмолвии проводил жизнь свою юный, никем не знаемый инок, но враг спасения наблюдал, видел и не стерпел того, в каком смирении, трудах и унижении служил Богу царственный юноша, низлагавший его чрезвычайным своим терпением и самопроизвольной нищетою, и вооружился на

него всею силою демонского своего неистовства. Сначала стал он тайно наводить на него скуку, потом раскаяние в избранном им послушании, представляя, в каком низком занятии протечет вся жизнь его. Вслед за тем диавол возбудил в его сердце чувство недовольства и презрения к братии, потом нерадение к молитве и другим подвижническим трудам и проч., и проч.; не довольствуясь же нападением на него со стороны собственного его сердца, сатана начал ратовать против него и со стороны самих братьев. Нашлись легкомысленные из среды братства, которые упрекали садовника за то, что он взялся не за свое дело, как не способный к садоводству, что он нерадиво возделывает гряды и, наконец, делается предметом соблазна и смут. Но напрасно ратовал сатана. Блаженный в отношении к братьям сокрушал его крепость своим смирением и терпением, прося у них во всем прощения и обещаясь быть исправным, а в отношении к самому себе делаясь более бдительным и строгим; решительно же низложил он врага оружием креста Христова и непрестанной молитвой: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя», – так что выйдя из всех подвигов, по благодати Божией, победителем, он наконец сделался избранным сосудом Святаго Духа и удостоился

Божественного откровения об отношении своем к Богу. Вскоре после того, как водворился мир в его душе, после многоразличных демонских искушений, он слегка заболел и, зная, что настает время отшествия его к Богу, чрез одного из братьев приглашает к себе игумена для открытия ему тайны. Удивленный этим, игумен приходит и на вопрос, что он желает открыть ему, царевич отвечал:

– Отче! Скоро Господь позовет меня от вас в Царство славы Своея; итак, мне хочется открыть тебе, что я сын царя Иоанна, строителя сей святой обители.

Услышав это, игумен ужаснулся:

– Почему же, чадо мое, ты не объявил нам этого прежде? Зачем до сих пор скрывался? Почему бы тайны своей не открыл мне?

– Если бы я открыл это, то лишился бы райского венца и милости Божией. В таком случае, зная, кто я, вы принимали бы меня за царевича и эта честь очень легко могла бы лишить меня не только надежды небесной, но и душевного спасения.

Сказав это, он мирно вздохнул и в присутствии игумена предал дух свой Господу. Тайна не осталась тайной: игумен тотчас объявил всей братии, кто такой был смиренный их садовник, и, тронутые смирением царственного

подвижника, своего собрата, братия почтили почившего своего садовника духовным торжеством и всенощным славословием и согласно его завещанию похоронили его на братском кладбище, прославляя дивного Бога, укрепившего его совершить столь великий подвиг. Таков рассказ о сыне царя Иоанна! Расскажем еще несколько чудес, совершенных преподобным Симеоном – чтобы мы знали, какое дерзновение имеет он пред Богом.

Один из братии священной обители преподобного, не имея страха Божия и оставаясь под влиянием сатанинского искушения, поносил подвижника Христова, не хотел признать его за святого и наравне с прочими праздновать годовую его память. Случилось раз, когда все отцы отправляли преподобному бдение, этот несчастный брат, волнуясь чувствами сомнения и неверия в святость Симона, вышел из церкви и, удалившись в свою келью, лег спать. Тогда является ему во сне преподобный Симон, осияваемый молниевидным светом, в сопутствии двух первых своих учеников, и говорит:

– Ужели не нравится тебе, нечестивец, та слава, которой прославил меня Бог!

При этих словах по знаку его ученики положили неверного и хулителя лицом ниц и преподобный дал ему несколько ударов по пятам палкой, так что несчастный от боли и безмерного страха проснулся, – и видит, что ноги его распухли. Объятый чрезвычайным ужасом, он немедленно пришел к церкви и, пав к ногам игумена, признался ему в своих грехах против преподобного, а потом, обращаясь к братии, сказал:

– Простите меня, отцы! Теперь я убедился, что преподобный отец наш Симон дивно прославлен Богом; отныне и я верую и кланяюсь ему, как единому от древних святых, каковы были Антоний, Евфимий, Савва и другие.

Потом, возвысив голос, воскликнул пред иконою преподобного Симона:

– Благодарю тебя, угодниче Божий, что ты избавил меня от демонского искушения, насильства и гибели!

Тогда же, заливаясь слезами, он среди церкви рассказал всему братству о явлении преподобного в небесной славе, и все прославили Бога, «не хотящаго смерти грешнику, но еже обратится и живу быти ему».

Другой брат обители преподобного долго боролся с демоном блуда, но, не имея сил устоять в подвиге, с благоговением пал пред священным

его образом и со слезами просил его избавить от сей брани. После сего, помазавшись елеем от лампы, теплившейся пред ликом преподобного, он совершенно освободился от скверн демонских и нечистых движений плоти.

В другой раз в годовую память святого во время великой вечерни вошел в церковь один брат, по имени Савва, из обители святого Дионисия, что на Олимпе, – чтоб приложиться к святому лику преподобного. Но заметив, что икона очень мала, оскорбился и сказал:

– Я не хочу кланяться такому образу.

Конечно, это было следствием его невежества, а не пренебрежения к преподобному, однако ж преподобный все-таки исправил его следующим образом. Когда этот инок удалился из церкви в келью, данную ему для отдохновения, и заснул, ему видится, что открылся верх кельи и страшный змий, дыша пламенем и испуская дым и смрад, разинул пасть, чтоб поглотить его.

– Тебе не нравится малый образ святого, – человеческим языком заговорил явившийся змий, – и ты с негодованием вышел из церкви, не дождавшись конца службы: так знай – ты мой, я поглосю тебя, – и с ужасным воплем бросился на него.

Несчастный Савва вне себя от страха и трепета завопил:

– Преподобный Симоне, помоги мне! – и в это мгновение, пробудившись, с ужасом пошел в церковь, где, пав на колена пред образом преподобного, с любовью лобызал его несколько раз, так что все бывшие тут удивились перемене сего брата, ибо лицо его было бледно, как у мертвеца. Тогда же рассказал он всем, что за свое невежество пострадал от сатаны.

– Малый образ, брат мой, – заметил при этом один из старцев, – при теплоте веры и благоговении, при чистоте ума и непорочности тела ничем не отличается от большого; посему будь внимателен, воздавай достойную честь святым и священным их ликам, малые ли они, или большие.

Таким образом, исправленный брат воздал славу Богу и благодарение преподобному.

Другой брат, по имени Герасим, стоя на всеобщем бдении в праздник преподобного Симона, с великим усердием и благоговением слушал чтение о его подвигах, искушениях, какие переносил он от диавола, и о том, с каким терпением послушен он был Божественному своему старцу, – и крайне удивлялся, отчего он до тех пор не слышал об этом? – Что же? Во время литии, когда вышли священник с диаконом и прочие братья в притвор, неся по обыкновению обители и икону преподобного,

брат тот не пошел, но остался в храме и размышлял о славе, какую имеют святые на небесах и на земле. Во время такого размышления Герасим видит телесными очами светоносное облако, покрывшее алтарь и икону преподобного, стоявшую близ престола. Небесный свет и сияние облачное осеняли алтарь до конца литии. Когда же окончилась лития и начались стихиры, светлое облако само собою поднялось в высоту и видение кончилось. Таковы подвиги и чудеса преподобного отца нашего Симона, **егоже** молитвами и нас да не лишит Господь Царствия Своего во веки. Аминь.

* * *

338

Из Neon Leimonarion.

339

Отсюда видно, что преподобный был иереем.

